

Глава 5. Парящий дворец

Неужели Юй Уцюэ умудрился натворить что-то поистине чудовищное?

Эта мысль первой пришла в голову Сюэ И после того, как перед его носом так бесцеремонно захлопнули дверь. Впрочем, недомолвки Хэ Бугуя злили его куда меньше, чем само отношение этого высокомерного типа. Сюэ И, как-никак, был одним из шифу четырёх академий во Дворце Небесного Предела, а его мало того что ни во что не поставили, так ещё и выставили вон из главного зала. Марионетки — вежливо, но непреклонно — просто вытолкали почтенных старейшин взащей.

Сюэ И, взъерошенный, стоял у порога, недоумевая:

— Неужели он и впрямь собирается прикончить Уцюэ?

Му Цинцзюнь со вздохом покачал головой:

— Думаю, у Бессмертного что-то стряслось, о чём он просто не может сказать нам прямо. До убийства дело не дойдёт. Его последняя фраза явно была намёком.

— Каким ещё намёком? — фыркнул Сюэ И. — Я там услышал лишь чистейший яд и издёвку.

— Брось свои предрассудки. Сдаётся мне, Бессмертный имел в виду, что Юй Уцюэ обязан остаться в Парящем дворце.

— Если хочет оставить парня, пусть так бы и сказал! К чему этот гнев, зачем юлить и плевать нам в лицо? А если ты ошибся? Тогда Уцюэ конец?

Му Цинцзюнь и сам не решался утверждать наверняка. Он судил с точки зрения здравого смысла обычного человека, полагая, что кроважанные угрозы Хэ Бугуя — лишь попытка припугнуть. Но Хэ Бугуй не был обычным человеком. Для него все люди, за исключением брата и сестры Бай да четы Гуань Ся, мало чем отличались от его собственных деревянных марионеток. И те, и другие для него были лишь частью безликой «земной суеты». И если бы Хэ Бугуй решил принести живого человека в жертву увядшему цветку, никто бы не удивился — это было вполне в его духе.

— Нет, так дело не пойдёт. Надо доложить главе дворца, — решительно заявил Сюэ И.

Обладая взрывным темпераментом и привычкой действовать без промедления, он уже потянулся к мечу, собираясь взмыть в небо, но Му Цинцзюнь вовремя ухватил его за рукав и силой потянул обратно на землю.

— Погоди ты! Из Обители Высшей Чистоты только приехали гости, глава дворца сейчас занят по горло. Да и толку от него? Всем известно, что во всём Дворце Небесного Предела он дорожит этим Бессмертным больше всех на свете. Уж лучше пойти к Гуань Ся. Пусть она замолвит слово. Бессмертный Тайвэй всегда относился к бабушке Гуань с почтением. Если она придёт забрать внука, он не станет упрямиться.

Сюэ И азартно блеснул глазами:

— Точно! Гуань Ся тоже надо позвать. Кто, как не родная бабка, по-настоящему забеспокоится за этого паршивца? Перестрахуемся и зайдём с двух сторон. Живее!

Сюэ И бесцеремонно затащил коллегу на свой летающий меч. Му Цинцзюнь, едва удерживая равновесие, покачал головой и поддел его:

— Обычно ты ругаешь этого мальчишку громче всех, а как припекло — так первый мчишься спасать.

— Да пошёл он к чёрту! — рывкнул Сюэ И, сердито топорща усы. — Стал бы я переживать за этого оболтуса! Вот уляжется буря — сразу переведу его в другую академию. Пусть его учит кто угодно, только не я. Если останусь его наставником, до следующего года точно не доживу — кондрашка хватит!

Сгорая от беспокойства за жизнь и здоровье Юй Уцюэ, старейшины без лишних разговоров бросились к Гуань Ся и привели её едва ли не под руки.

Бабушка Гуань Ся вихрем ворвалась в комнату и с порога зычно крикнула:

— Паршивец мелкий!

Юй Уцюэ вздрогнул от неожиданности, но, заметив, что в руках у неё нет верной метлы для пыли, тут же обиженно надул губы:

— Бабушка...

— Сколько ног у тебя уцелело? А ну покажи!

Хоть язык у Гуань Ся и был острым, она тут же бросилась к постели, чтобы осмотреть раны внука. Всё её напускное недовольство не могло скрыть глубокой тревоги и щемящей жалости.

— Со мной всё в порядке, — Юй Уцюэ внезапно почувствовал себя виноватым перед ней. Он ласково взял её за руку и заговорил мягким, вкрадчивым голосом. — Если бы ты пришла на четверть часа позже, рана бы уже затянулась. Да если бы мне даже оторвало руку или ногу, я

бы вырастил себе новые, честное слово.

— Не паясничай!

Сквозь плотные повязки Гуань Ся своими демоническими глазами цвета жидкого стекла видела всё слишком отчётливо: плоть была вырвана почти до кости, а на самом белом остове остались следы глубоких порезов. Даже под действием сильных обезболивающих пилюль такая рана должна была причинять адскую боль. Уцюэ лишь притворялся, будто ему всё нипочём.

— Бабушка, — Уцюэ уставился на принесённый ею туюсок с едой. — Я есть хочу.

Сердце у пожилой женщины разрывалось от жалости, но показывать слабость она не собиралась. Кормя его с ложки, она принялась отчитывать внука:

— Какая муха тебя укусила, что ты полез драться со священным зверем? Спас людей — и бежал бы сломя голову! Нет же, надо было покрасоваться. Может, тебе ещё и сцену посреди площади сколотить, чтобы ты там с мечом плясал? А если бы зверь погиб? Ты хоть представляешь, во сколько обошёлся бы ущерб? Расплатиться-то смог бы?

— Не смог бы, конечно... М-м-м, дай ещё кусочек мяса. Но ты о деньгах не беспокойся, у меня припрятано немало редких заготовок. Продам их перекупщикам — на всё хватит.

— Да плевать мне на деньги! Если с тобой что-нибудь случится, как мне жить дальше? А? Я ведь уже старая, мне вредно волноваться. Хоть бы раз подумал о моих нервах!

— Да я только о тебе и думаю, бабуль! Ой, фу, только не эту траву, убери!

За капризы в еде и наглую ухмылку Уцюэ тут же схлопотал лёгкий подзатыльник. Когда он наконец расправился с едой, бабушка перешла к делу.

Истинный человек Юнлэ уже объяснил, откуда взялся этот зверь Кунда, но бабушка вела речь о другом. Из-за битвы на Священной горе высвободилась волна разрушительной энергии, едва не погубившая всё живое вокруг. Юй Уцюэ никак не ожидал подобных последствий. И пусть гибель священного зверя была чистой случайностью, за такой масштабный погром ему всё равно придётся ответить.

— У-эр, — вздохнула Гуань Ся, — я пойду поговорю с Бессмертным и приму вину на себя. Попробую убедить его, что твоё спасение людей перевешивает глупость с погромом. Может, тогда он смягчится.

Юй Уцюэ редко видел, чтобы бабушка перед кем-то так заискивала.

— Неужели этот Бессмертный Тайвэй настолько суров? Истинный человек Юнлэ обмолвился, что мой шифу и Му Цинцзюнь всё утро умоляли его о снисхождении. Как именно он хочет меня наказать?

«Если бы просто наказать... Он ведь тебя жизни лишить готов, глупый ты мой мальчик», — мысленно вздохнула она.

Но вслух Гуань Ся лишь мягко подбодрила его, не желая пугать раньше времени:

— Не бойся. Этот нелюдим по фамилии Хэ может плевать на авторитет других старейшин, но со мной ссориться не посмеет. Жди здесь, скоро мы вернёмся домой.

Успокоенный её словами, Юй Уцюэ мирно растянулся на кровати. Прошёл час. Судок из-под еды давно опустел, но бабушка так и не возвращалась.

Ещё через час, когда томительное ожидание начало перерастать в глухую тревогу, дверь наконец со скрипом отворилась.

Бабушка вошла с таким грозовым выражением лица, что Уцюэ сразу почуял неладное и прикусил язык.

Она тяжело опустилась на край постели и долго, пристально смотрела на внука, прежде чем спросить:

— Скажи мне честно... ты ничего от меня не скрываешь?

Юй Уцюэ растерялся:

— Да нет вроде.

— Точно?

— Абсолютно. С чего бы такие вопросы, бабушка?

Гуань Ся явно хотела сказать что-то ещё, но сдержалась и лишь тяжело вздохнула, затаив невысказанное.

— Я тут подумала... — медленно произнесла она. — Тебе действительно лучше остаться здесь и хорошенько обдумать своё поведение. Что бы ты ни совершил, ты обязан держать ответ перед Бессмертным.

Юй Уцюэ опешил.

— Будешь вести себя тише воды, ниже травы, — строго продолжила она. — Помогай с уборкой, прислуживай прилежно и про тренировки не забывай. Выполняй всё, что прикажет Бессмертный Тайвэй, и не смей ему перечить. Если он сменит гнев на милость, то сам тебя отпустит.

Юй Уцюэ жалобно протянул:

— Ну бабушка-а-а...

Но, поняв, что капризы не сработают, уныло спросил:

— Да что он вообще тебе наговорил?

— Всё, что нужно, он спросит у тебя сам.

Гуань Ся быстро прибрала посуду и поднялась. Её взгляд, устремлённый на внука, стал невыразимо сложным — к привычной нежности теперь примешивалась какая-то затаённая тревога. Она долго смотрела на него, словно пыталась разглядеть что-то новое, а затем мягко погладила по голове.

— Мой мальчик, я знаю, что у тебя нет дурных помыслов. Но если ты в чём-то виноват, расскажи Бессмертному всё как есть. Даже если его наказание покажется тебе невыносимым, он не лишит тебя жизни. Будь послушным и не смей держать на него обиду.

Она ушла, оставив Юй Уцюэ в полном замешательстве. Столь резкая перемена в её отношении не укладывалась в голове. Но больше всего его мучил вопрос: в чём именно он должен сознаться?

В комнате пахло горькими травами. Действие пилюль закончилось, и Уцюэ, покрывшись испариной от пронзительной боли в ноге, свернулся калачиком под одеялом. К нему никто не заходил, так что ему оставалось лишь терпеть, считая минуты до заката.

Когда сумерки сгустились, пришло время ужина.

За дверью раздался мерный деревянный стук. Двое искусно вырезанных марионеток-слуг вкатили в комнату тележку. На ней стояли тарелки с ужином, дымящаяся пиала с целебным отваром и несколько склянок с мазями от ожогов. Рядом лежали его личные вещи: таз для умывания, полотенце и сменная одежда — всё это явно принесли прямо из его ученической комнаты.

Юй Уцюэ вздохнул:

— Похоже, бабушка действительно меня бросила.

Марионетки бесшумно расставили вещи. Заметив унылый взгляд Уцюэ, один из деревянных слуг заботливо установил на постель низкий столик и аккуратно разложил перед ним приборы.

Несмотря на голод и непрекращающуюся боль, парень внезапно позабыл о еде.

Как говорили древние, истинная красота насыщает лучше любого пира. Юй Уцюэ заворожённо следил за каждым движением деревянных слуг, чувствуя, как внутри разгорается смесь жгучей зависти и чистейшего восторга.

«Вот она, великая школа Парящего дворца! Вот оно, мастерство непревзойдённого Хэ Бугуя!»

Восхищение в его душе крепло с каждой секундой.

Эти марионетки были выполнены с невероятным изяществом, а материалы для них использовались редчайшие и самые дорогие. Появись такое чудо на рынке в Городе Тысячи Журавлей, за него отвалили бы целое состояние. А здесь они служили всего лишь простыми слугами.

Но поразительнее всего было отсутствие управляющих нитей. Обыватель лишь подивился бы ловкости этих кукол, но Уцюэ, будучи знатоком, сразу понял: перед ним шедевр инженерной мысли, секрет создания которого мечтала бы вывести любая школа.

Поймав одного из слуг за руку, он принялся дотошно изучать деревянные сочленения, то и дело цокая языком от удивления:

— Какая подгонка деталей! Соединения шип-паз идеальные, шарниры двигаются плавно, без малейшего намёка на деревянную угловатость. Накинь на такого плотную одежду — от живого человека не отличишь. Но где же скрыт спусковой механизм? И нитей нигде нет... Неужели здесь используется иной способ передачи энергии?

— Потрясающая работа...

— Надо же, какая древесина! Почему мне никогда не приходило в голову использовать именно её?

— Ого, а глаза-то как живые! погоди, ты что, только что моргнул?

Стоило Уцюэ увидеть творение искусного мастера, как рассудок его мгновенно помутился. Лишь вдоволь налюбовавшись куклами, он вспомнил про стынувший ужин. Он лениво ковырял палочками в тарелке, не сводя жадного взгляда с деревянных прислужников.

Марионетка, закончив работу, застыла у постели. Заметив, что парень умудрился перепачкать щёку рисом, слуга достал чистый белоснежный платок и мягким движением стёр крошки с его лица.

— Стоять!

Юй Уцюэ отшатнулся, ошарашенно глядя на деревянное лицо:

— Ты...

Марионетка вежливо поклонилась:

— Мой господин желает видеть молодого господина Юй. Правила Парящего дворца требуют, чтобы гости представляли перед ним в надлежащем виде. Прошу простить мне мою вольность.

Чистый, звонкий юношеский голос лился прямо из деревянного горла. Он звучал настолько естественно, что идеально подходил к облику юного слуги. Но мёртвое должно оставаться мёртвым. Обычную работу кукла может выполнять по заданному алгоритму, но умение оценивать обстановку и поддерживать беседу — это то, чему нельзя просто «обучить» механизм. Это выходило далеко за рамки всего, что Уцюэ знал об искусстве марионеток.

Он и раньше слышал слухи, будто марионетки Хэ Бугуя способны говорить и вести себя точь-в-точь как живые люди, однако одно дело — досужие сплетни, и совсем другое — убедиться в этом лично. Юй Уцюэ был потрясен до глубины души.

Ему до безумия хотелось понять: были ли эти фразы записаны заранее в некий механизм ответов, создавая лишь видимость разумной беседы, или же деревянные куклы действительно умели мыслить?

Если второе — то Хэ Бугуй сотворил нечто поистине невероятное.

С трудом сдерживая лихорадочный восторг, Уцюэ деловито поинтересовался:

— Послушай, я весь пропотел и, кажется, пахну не лучшим образом. Не думаешь ли ты, что мне стоит сначала помыться, а уже потом предстать перед твоим господином?

— Вы правы, — согласился деревянный слуга.

— Но, как видишь, моя нога перевязана, и мне чертовски трудно двигаться. Как быть?

— Лохань и горячая вода уже за дверью. Если молодой господин закончил трапезу, мы поможем вам умыться.

Кукла споро убрала посуду, а ещё двое слуг внесли в комнату тяжёлую бадью с водой. Юй Уцюэ, воодушевлённый возможностью получше изучить диковинные механизмы, без лишней скромности сбросил одежду и позволил марионеткам заняться делом.

— У вас есть имена?

— Отвечая молодому господину: меня зовут Ся Сы, — слуга указал на изящную вышивку в виде гибискуса на своём одеянии. — Мы все трое приписаны к Саду Летнего Дождя, потому и носим фамилию Ся. А наши имена — это порядковые номера нашего создания.

Юй Уцюэ с любопытством оглядел одежду двух других марионеток и тепло улыбнулся:

— Ся Ци, Ся И и Ся Сы... Что ж, спасибо вам за заботу.

— Не стоит благодарности, молодой господин.

Все трое ответили в один голос — их интонации совпали до мельчайших нюансов. Они одновременно улыбнулись, обнажив пустые деревянные рты без зубов и языка. Улыбка вышла настолько неестественной и пустой, что даже Уцюэ, привыкший иметь дело с марионетками, почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Вода приятно пахнет. Что это за аромат? — спросил он, переводя тему.

— В пруду Сада Летнего Дождя лотосы цветут круглый год. Мы настаиваем воду для купания на свежих листьях и лепестках, оттого она и благоухает.

— Благоухает? — Уцюэ зачерпнул ладонью воду и шутливо поднёс к лицу Ся Сы. — И чего же в этом аромате больше: нежности цветов или терпкости листьев?

Ся Сы безразлично моргнул:

— Молодой господин, у нас нет обоняния. Но наш создатель предпочитает лotosовые листья, так что, полагаю, их аромат доминирует.

Обычное мытьё редко занимало у Юй Уцюэ больше нескольких минут, но сегодня процедура растянулась почти на два часа. Он без умолку болтал, расспрашивая слуг обо всём на свете,

словно деревенская сваха, и бесцеремонно ощупывал их деревянные тела, будто уличный пройдоха. Не будь его помощники бездушными куклами, они бы наверняка надели эту бадью ему на голову.

Тем не менее, из этой беседы ему удалось извлечь немало пользы.

Марионетки действительно обходились без нитей. Внутри каждого тела был скрыт особый механизм, который не просто приводил суставы в движение, но и наделял их подобием базового разума.

Главное отличие живого существа от бездушного предмета кроется в разуме. Уцюэ, посвятивший себя искусству создания автоматов, грезил лишь об одном — сотворить марионетку, неотличимую от человека. И эти три создания подобралась к его мечте ближе, чем кто-либо другой.

Решив продвинуться дальше, он осторожно забросил удочку поглубже.

— Вы ведь не люди, но ведёте себя совсем как мы. Умеете отвечать, заботитесь о тепле, даже улыбаетесь. Ся Сы, скажи, понимаешь ли ты, что улыбка рождается от радости?

— От радости? — переспросил тот.

— Это такое чувство. У людей есть эмоции и желания, и радость — одно из них. Если внутри рождаются чувства, то даже с деревянным телом ты становишься... живым.

Ся Сы озадаченно покачал головой:

— Но ведь людей из дерева не бывает.

— В этом-то и секрет. Быть живым — значит иметь душу, заключённую в оболочку. Но кто сказал, что оболочкой может служить лишь плоть и кровь? Если бы у тебя была душа... или если бы в тебя вдохнули чужую душу, ты бы тоже...

Скрип!

Дверь резко распахнулась, оборвав Юй Уцюэ на полуслове. На пороге стояла высокая фигура в строгом парадном одеянии дворцового слуги — высококлассный автомат. При его появлении братья Ся мгновенно умолкли, быстро помогли гостю одеться и покорно отступили к стене.

— Если молодой господин готов, нам пора идти в главный зал, — бесстрастно произнёс вошедший. — Моё имя Кунчжи. Я личный слуга Бессмертного. Отныне все ваши дела в Парящем дворце находятся под моим надзором.

Поверхность тела Кунчжи покрывал слой особого эластичного материала, удивительно похожего на настоящую кожу. На первый взгляд его было невозможно отличить от обычного человека. Его голос напоминал тембр слуг Ся, однако звучал гораздо холоднее и суровее. На лице застыла маска строгого величия.

Юй Уцюэ кивнул и принялся оглядываться в поисках костыля или трости, но Кунчжи лишь небрежно хлопнул в ладоши. Тотчас в комнату зашёл ещё один слуга с деревянным креслом-каталкой. Юй Уцюэ бесцеремонно усадили в него и без лишних разговоров покатали к выходу.

Колёса мерно постукивали по гладким каменным плитам. Каждые десять шагов вдоль бесконечной галереи застыли марионетки-стражи с обнажёнными мечами. Безмолвные и величественные, словно изваяния древних божеств, они лишь подчёркивали гнетущую пустоту и величие этого места.

От обилия чудес у Юй Уцюэ кружилась голова. В мыслях билось лишь одно: «До чего же силён Бессмертный Тайвэй!» Охваченный чистым восторгом, он напрочь позабыл, что его везут на суд.

По дороге он без умолку донимал Кунчжи вопросами. Тот оказался далеко не таким разговорчивым, как Ся Сы, и большей частью хранил молчание, но перед самыми дверями зала негромко предупредил:

— Молодой господин, впредь никогда не рассуждайте с марионетками о жизни и смерти. Это строжайшее табу для нашего создателя, а значит — и для каждого из нас.

Юй Уцюэ притих.

— И что будет, если нарушить этот запрет? — всё же полюбопытствовал он.

— Вас ждёт суровая кара, а нас попросту отправят в утиль.

У входа в главный зал Кунчжи трижды мягко ударил по дверному кольцу. Выждав положенную паузу, он покатал кресло с Юй Уцюэ внутрь, направляясь напрямиком к возвышению.

В отличие от белизны внешних галерей, этот зал был целиком высечен из полупрозрачного нефрита. В глубине зеленоватого камня вились тонкие, точно змейки, тёмные прожилки. В лучах закатного солнца, проникавших сквозь высокие арки, багряный свет смешивался с изумрудным сиянием стен. Казалось, они находились внутри драгоценной чаши, выточенной руками богов.

Помимо неподвижных стражей вдоль стен, тишину зала нарушало тяжёлое, мерное дыхание. До Уцюэ доходили слухи, что в Парящем дворце нет ни одной живой души, кроме самого Бессмертного, а покои его охраняют исполинские механические звери. Очевидно, эти глухие

вздохи принадлежали именно им — дремлющим в тенях грозным стражам.

От этого зрелища у Юй Уцюэ перехватило дыхание, а по коже побежали мурашки. Но то был не страх. Предел мастерства, о котором он грезил всю жизнь, предстал перед ним во всём величии. Парень едва сдерживал желание вскочить на ноги и начать ощупывать каждую деталь.

Что же до хозяина этого места... Стоило Уцюэ бросить взгляд на трон, как вся усталость и боль мгновенно улетучились. Он не мог оторвать глаз от фигуры на возвышении.

Бессмертный Тайвэй, омываемый мягким изумрудным светом, оказался совсем не таким, каким Уцюэ его себе представлял.

Хэ Бугуй обладал утончённой, благородной красотой. Даже небрежно полулежа в кресле с полуопущенными веками, он излучал величие. В его нефритовый венец было вплетено лёгкое журавлиное перо, перекликающееся с искусной серебряной вышивкой на белоснежных одеждах. Облик его казался настолько чистым и возвышенным, будто он сошёл с древней картины.

Юй Уцюэ, всегда считавший себя главным красавцем школы, мысленно признал поражение. Перед ним был истинный небожитель. Осознание того, что эта неземная красота сочетается с гениальным умом величайшего мастера, заставило сердце Уцюэ трепетать от благоговения.

Кунчжи остановил кресло перед троном и склонился в глубоком поклоне. Юй Уцюэ поспешил последовать его примеру и, почтиво сложив руки, зычно произнёс:

— Ученик внутреннего круга Юй Уцюэ приветствует Бессмертного Тайвэя! Прошу простить мне мою непочтительность, ибо из-за раны на ноге я не могу приветствовать вас стоя.

Из-за бесконечных причитаний Сюэ И у Хэ Бугуя весь день раскалывалась голова. Он сидел, погружённый в свои мысли, но от громогласного приветствия юноши его веко невольно дёрнулось, а к горлу подступило раздражение.

Он окинул гостя ледяным взглядом. Не обнаружив на лице наглеца ни малейшего раскаяния, Бессмертный промолчал.

Поняв, что ответа не будет, Уцюэ повысил голос:

— Спасение на горе Алого Золота преисполнило моё сердце вечной благодарностью. Я непременно сослужу вам службу в будущем, чтобы вернуть этот долг!

Хэ Бугуй слегка приподнял бровь и сухо усмехнулся:

— Хочешь сказать, что твоё спасение искупает совершенные глупости?

— Так и есть... То есть нет! Я вовсе не это имел в виду...

— Тогда что же?

— Ну, вообще-то именно это, — Уцюэ смущённо почесал затылок. — Просто говорить такое в лицо великому мастеру невежливо, вот я и попытался намекнуть в надежде на вашу милость.

Хэ Бугуй выпрямился и ровным голосом произнёс:

— Хорошо. Договорились.

Юй Уцюэ моргнул. Неужели договориться с ним было так просто?

— А теперь перейдём к делу, — Бессмертный Тайвэй смерил его пронзительным взглядом. — Расскажи мне всё без утайки. Если соврёшь хоть в малом — утреннее спасение аннулируется.

— И я лично лишу тебя жизни, — добавил он совершенно будничным тоном.

Юй Уцюэ не воспринял угрозу всерьёз. Перед ним сидел великий старейшина, а сам он был официальным учеником школы. Ни один здравомыслящий наставник не станет убивать подопечного из-за мелкого проступка. Разве что Бессмертный лишился рассудка.

Однако, как выяснилось мгновением позже, тревога бабушки и паника Сюэ И были вполне обоснованны.

Едва прозвучало последнее слово, как Кунчжи с тихим шелестом обнажил меч и приставил острей прямо к груди Уцюэ. Холодная сталь коснулась ткани одеяния, а от бездушной марионетки пахло вполне осязаемой жадной крови.

— Когда ты обучился технике «Пожирания солнца»? — ледяным тоном спросил Хэ Бугуй.

Юй Уцюэ окончательно растерялся:

— Чему... обучился? Какое ещё солнце?

Хруст!

Острая сталь легко пробила кожу и погрузилась в плоть. Уцюэ закричал от боли, а по его спине

пробежал ледяной пот страха. Этот сумасшедший действительно отдал приказ на поражение!

— Овладевал ли ты когда-нибудь человеческими душами? — последовал новый вопрос.

— Да не знаю я... — сквозь зубы выдохнул парень, задыхаясь от боли и непонимания. — Я понятия не имею, о чём вы говорите...

Раздался тихий, безжалостный смешок.

Кунчжи налёг на эфес, и холодное лезвие без малейших колебаний ушло глубоко в грудь Юй Уцюэ, целясь прямо в сердце.

<http://bllate.org/book/20165/2130700>